

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Где деньги, Лев?.....	7
Алкоголь в Российской империи.....	21
Бардак, мухлеж и банковский крах.....	37
Выдающийся гипнотизер доктор Филиппов.....	55
Как спор между революционерами разрушил нефтяную отрасль России.....	72
Секс в Российской империи.....	79
Любовь, символизм и морфий.....	97
Поп Гапон и японские винтовки.....	114
Дача в Российской империи.....	128
Битва двух киномагнатов.....	151
Балаган в Думе и дуэль со Столыпиным.....	168
Роковая женщина и пять смертей.....	188
Это гарем или женский монастырь?.....	212
«Панки» в Российской империи.....	232
Последний шанс Керенского.....	252
<i>Библиография</i>	266

Предисловие

Обычно история кажется скучным предметом: мы привыкли, что в школе и в книгах на нее смотрят с высоты птичьего полета. Что произошло в 1894 году? В чем цель аграрных реформ Столыпина? Чем отличается футуризм от акмеизма?

Пытаясь ответить на все эти вопросы, мы не видим реальных лиц, а ведь за каждым важным событием стоит цепочка случайностей и множество людей, которые ошибаются, путают даты, ревнуют, подсиживают друг друга, хотят заработать денег. Мечтают о славе. Жаждают любви. Когда начинаешь смотреть на историю под этим углом, оказывается, что те, кто жил 120 лет назад, не слишком-то отличаются от нас сегодняшних.

В этой книге — истории людей: поэтов, банкиров, роковых женщин, мистификаторов, политиков, кинопродюсеров. Некоторые из героев известны, некоторые — забыты, но даже знаменитости здесь не выглядят забронзовевшими. Лев Толстой ссорится с женой из-за денег, а ищущий «горячие» сюжеты фоторепортер исподтишка снимает его. Поэты едут в тур по стране, выступают в небольших клубах, устраивают уличные перформансы и с удовольствием дают поводы для скандальных заголовков в газетах.

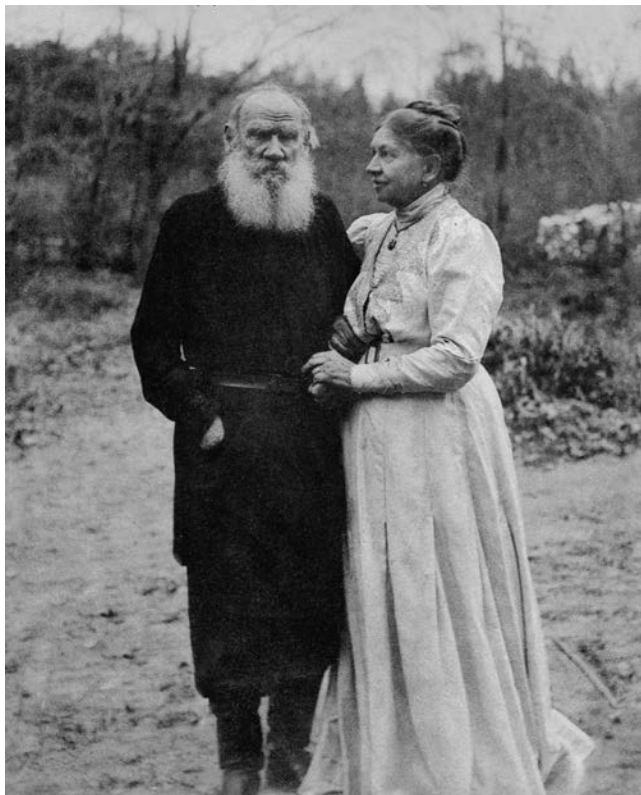
Каждое из этих событий имеет последствия. Страна в начале XX века меняется на глазах: растут фабрики и заводы, в деревнях появляются новые школы, русский балет гремит по всей Европе, Московский Художественный театр задает новый мировой стандарт, оппозиционеры ссорятся в Государственной Думе, революционеры устраивают теракты, аристократия ходит на балы. Это время двух войн и двух революций. Это время технического

прогресса и новых имен в искусстве. Страна меняется на глазах, и никто не может предсказать, чем все закончится буквально через несколько лет.

Эта книга возникла из подкаста «Закат империи». В каждом его выпуске я рассказываю короткую историю, которая теперь превратилась в главу. Несмотря на общую бесшабашность повествования, каждая глава, каждый герой и каждая ситуация исторически достоверны, все они — объект тщательного исторического исследования. Между собой все эти истории связаны только временем — временем правления последнего императора России. Судьбы героев могут пересекаться, а иногда они могут и не подозревать о существовании друг друга. Эту книгу можно начинать читать с любой главы: тут есть и детективы, и любовные истории, и приключения мистификаторов, и политическая борьба, и финансовые махинации, — но каждая из них дает картину того, чем дышала империя накануне своего заката.

Возможно, узнав больше об этих людях, мы лучше поймем, почему эта империя исчезла. В любом случае скучно не будет.

Где деньги, Лев?

Даже если тебя признает и уважает весь мир, даже если ты стал прижизненным памятником самому себе — все твои заслуги обнуляются, как только тыходишь в свой дом. Особенно если тебя встречает жена вопросом «Где деньги?».

Великий русский писатель и философ, эксцентричная личность, вегетарианец, граф Лев Толстой на рубеже XIX и XX веков был самым известным в мире литератором и активно занимался публицистикой. Он мог позволить себе едва ли не все что угодно, и многое, что другим было непозволительно, ему сходило с рук. Его мнение могло повлиять на любые события внутри страны. Но только не на жену.

Сложно представить, какое именно положение занимал Толстой в то время. Лев Николаевич пользовался всеобщим если не уважением, то вниманием и периодически транслировал в общее культурное пространство духовные идеи. Общество не очень понимало, как к ним относиться, но если и иронизировало над ними, то ласково и с почтительностью. Короче говоря, Толстой был почти живым памятником, а семейная жизнь с памятниками тяжела. Софье Андреевне, жене писателя, приходилось порой несладко.

К 90-м годам XIX века Лев Николаевич не видит себя писателем-беллетристом. Он пишет в дневнике: «Надо покориться мысли, что моя писательская карьера кончена: и быть радостным и без нее». Он приходит к тому, что его миссия в другом. Он говорит об опрощении, о том, что деньги — безусловное зло, о том, что учение Христа и православная церковь плохо сочетаются друг с другом, о том, что Добро лучше Красоты, и заодно — о вегетарианстве.

В декабре 1908 года Лев Николаевич записал в дневнике:

«Если меня и ненавидят, *не зная меня*, многие, как много людей не по заслугам любят меня. Люди, к[оторые] по своим quasi религиозны[м] взглядам, к[оторые] я разрушаю, должны бы был[и] ненавидеть, любят меня за те пустяки —

«Войн[а] и М[ир]» и т. п., которые им кажутся очень важными»*.

Чуть раньше, в 80-е годы XIX века, Толстому опротивели деньги. Он стыдился того, что его предки веками грабили крестьян и жили за их счет, полагал, что все зло в мире — от денег, и хотел жить просто, довольствуясь малым: рубахой да пшеном. Конечно, кашу из этого пшена готовил повар. В доме были и лакеи, и конюхи. А еще Лев Николаевич любил слушать фортепианную музыку и пополнять библиотеку. Порой он этих желаний стыдился, а порой их не замечал. Простительное свойство для великого человека.

Вначале Толстой даже хотел доход от некоторых своих имений отдавать на нужды бедных, но Софья Андреевна воспротивилась: к этому моменту у них было уже семеро детей, и не все они были готовы к «опрощению». Вернее, готова к этому была только дочь Маша, остальные рассчитывали жить сообразно титулу. Короче говоря, Лев Николаевич нашел компромисс: 21 мая 1883 года он выдал жене доверенность на ведение всех имущественных дел, а себе оставил только самое необходимое.

Софья Андреевна, помимо хозяйственных дел, начала заниматься еще и изданием книг мужа, и это стало приносить неплохой доход. Спустя некоторое время Лев Николаевич решил отказаться от авторских прав на свои произведения, чтобы кто угодно мог печатать и распространять его книги совершенно бесплатно. Он желал, чтобы его новые книги разошлись как можно шире, отношение к своим старым книгам он изменил и денег за них не хотел.

Но эти произведения уже вошли в анналы мировой литературы, гонорары за них составляли существенную часть семейного бюджета, и Софья Андреевна возмутилась. В итоге после

---

* Здесь и далее текст дается в современной орфографии. — *Прим. ред.*

долгих переговоров опять был найден компромисс. Права на книги, написанные до 1881 года (в том числе на «Войну и мир» и «Анну Каренину»), Лев Николаевич оставил семье. Что касается прав на книги, написанные Толстым «после духовного возрождения», то в сентябре 1891 года он обратился к редакторам журналов «Русские ведомости» и «Новое время» с таким письмом:

«Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною и напечатаны в XII томе моих полных сочинений издания 1886 года, и в XIII томе, изданном в нынешнем 1891 году, равно и все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения».

Удачное решение, учитывая, что прежние произведения продолжали издаваться немалыми тиражами.

Отношения писателя с его детьми всегда были непростыми. Льва Николаевича угнетало то, что старшие сыновья оставались глухи к пропаганде добра и бескорыстия. С дочерьми дела обстояли чуть лучше: Татьяна и в особенности Мария с большим вниманием и почтением относились к отцовским идеям.

К 1891 году деньги и имущество вызывали у графа такое отторжение, что он не готов был даже терпеть обладание ими. Он, уже избавившись от прав на свои произведения, решил разделить все свое имущество между женой и детьми: если имения не будут в собственности Льва Николаевича, значит, моральную ответственность за них будут нести новые владельцы.

Вся семья съехалась в имение. Мучительно долго сыновья, дочери и жена графа делили землю, дома и капитал. Все земельные участки были оценены, после чего их разделили на девять

долей. Абсолютного равенства достичь, конечно, не удалось, и доли уравнивали доплатами.

17 июня Толстой писал в дневнике: «Дома невесело — раздел». Детям не особенно нравилось участвовать в этом мероприятии, но отец напирал на то, что больше не может терпеть имущество в своей собственности. Маша, которая больше всех стремилась следовать по стопам отца, попыталась отказаться от своей части. Но тут братья и сестры возмутились и уговорили ее не артачиться: иначе все чувствовали бы себя подлецами. Маша заупрямилась, но в конце концов, когда через несколько лет решила выйти замуж, забрала свою долю.

Спустя почти 10 лет Льва Николаевича все еще продолжали мучать воспоминания о разделе:

«Мне теперь смешно думать, что выходит, как будто я хотел хорошо устроить детей. Я им сделал этим величайшее зло. Посмотрите на моего Андрюшу. Ну что он из себя представляет?! Он совершенно неспособен что-нибудь делать. И теперь живет на счет народа, который я когда-то ограбил и они продолжают грабить. Как ужасно мне теперь слушать все эти разговоры, видеть все это! Это так противоречит моим мыслям, желаниям, всему, чем я живу... Хоть бы они пожалели меня!»

В 1891–1892 годах в России был ужасный голод. Неурожай серьезнее всего повлиял на те области, где крестьяне жили особенно бедно. Последствия были катастрофическими, хотя по большей части крестьяне гибли от последствий голода — от антисанитарии, холеры и тифа, а не от недоедания как такового.

К сожалению, вокруг голода 1891–1892 года сложилось достаточно мифов. Одна из причин в том, что советскому государству было выгодно рассказывать об ужасах царизма и при любых претензиях заявлять: «Посмотрите, при царе-то было еще хуже». В первую очередь это касается мифа о «голодном экспорте» —

утверждения, что во время голода в конце XIX века большое количество зерна все равно шло за рубеж. Часто в этом контексте приводят фразу, приписываемую И. А. Вышнеградскому: «Недоедим, но вывезем».

Что же было на самом деле? Россия в конце XIX века умудрялась сочетать несочетаемое. Это была аграрная держава, и экспорт зерна приносил в страну существенные деньги. Несмотря на отставание от европейских стран, к концу XIX века зерна в России хватало и для себя, и на экспорт: в этом смысле отсталая империя, совсем недавно избавившаяся от крепостничества, даже выигрывала у позднего СССР. Да, в среднем советский колхозник производил гораздо больше зерна, чем крестьянин в царской России. Но в целом СССР обеспечить себя зерном не мог и был вынужден закупать его за границей*.

Но как же голод? Как можно одновременно экспортировать зерно и допускать голод в стране?

Дело в том, что в России в то время сосуществовало много разных моделей ведения сельского хозяйства. Главными были две. В крупных латифундиях (в основном на Украине) землю обрабатывали современными методами, использовали удобрения, получали отличный урожай. Там пользовались наемным трудом, работников требовалось сравнительно немного. Полученное зерно (его было много) продавали и за рубеж, и на внутреннем рынке. Вывозных пошлин в империи не было вообще, то есть зерно просто продавалось тем, кто больше платит.

При этом 80% населения России были крестьянами и жили в деревнях. Питались там очень плохо: если урожая хватало, чтобы

---

* Существует мнение, что СССР закупал только фуражное зерно для скота, однако это не так. Основные поставки шли из США (статистика экспорта американской пшеницы доступна). В СССР поставлялось зерно не ниже третьего класса, то есть хорошая, пригодная в пищу пшеница. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. авт.*

перезимовать, это уже считалось удачей. Голод, хотя и не такой жуткий, как в 1891–1892 годах, был нередким, причем ситуация ухудшалась с каждым годом: население страны постоянно росло, а пахотной земли больше не становилось.

В чем проблема? В чрезвычайной неэффективности личного крестьянского хозяйства. Народу в деревне живет много, земли — мало, пашут ее даже не плугом, известным еще древним римлянам, а сохой, об удобрениях и речи не идет. (Кстати, герой этой главы принципиально пахал сохой, а плуг считал вредным нововведением.)

Но одной из самых больших проблем была чересполосица. Земля, принадлежавшая селу, то есть общине, считалась общей и делилась на всех узкими полосками. У каждого крестьянина был не собственный квадрат, где он сеял что хотел, а много-много узких полосок: так удовлетворялось стремление народа к равноправию. Это был самый честный способ поделить общинные угодья, но в такой ситуации всем приходилось сеять одно и то же, работать одинаково и часто одновременно. При этом земля регулярно перемерялась и делилась заново — в зависимости от изменения количества жителей в общине.

В таких условиях удобрять свою землю, заботиться о ней не имело большого смысла: через несколько лет она могла перейти к другому. Кроме того, земли нередко не хватало и, следовательно, в деревне существовал избыток рабочей силы. Но крестьянство считалось носителем духа русского народа и опорой трона, а город — царством разврата, содома и гоморры: пусть-де лучше крестьяне сидят в деревне и не развращаются. Исправлять это начал только Столыпин со своими знаменитыми аграрными реформами, но тогда его время еще не пришло.

Важно также понимать, что в то время землевладение было частным и урожай с земли получал тот, кто ее обрабатывал. Невозможно себе представить, чтобы к крестьянину, как в 1930-е годы,

пришел представитель власти и забрал урожай, чтобы отправить его на экспорт в Европу.

Два года аномальной погоды привели к рекордному неурожаю. Рвется там, где тонко: голодать начали крестьяне. Одновременно с этим крупные хозяйства собрали достаточный урожай и продали его за рубеж. Почему за рубеж? Там дороже покупали. Империя того времени уважала частную собственность и не могла позволить себе ни перераспределять урожай в пользу голодающих, ни требовать от частников, чтобы они продавали зерно туда, где за него меньше давали. Рынок тогда регулировался крайне слабо: все имели право зарабатывать и развиваться так, как считали нужным.

Если посчитать весь урожай, то в 1891 году в Российской империи было произведено зерна достаточно и для внутренних нужд, и для экспорта (советское сельское хозяйство при Брежневке, к примеру, не могло похвастать тем же). Тем не менее голод был таким масштабным, что государство все-таки решилось закрыть экспорт зерна, но это оказалось бессмысленным: к этому моменту продавцы зерна и так направляли его на внутренний рынок, потому что цены внутри страны подскочили. Запрет экспорта привел только к тому, что хлебные экспортеры потеряли на Западе рынки, клиентов и доверие.

Государство не только приняло заградительные меры, но и направило огромные средства на закупки зерна и преодоление голода, а впоследствии организовало подробнейшее расследование ситуации. Чтобы катастрофа не повторилась, в России наладили систему продовольственной помощи: крестьян заставляли отдавать часть урожая в специальные фонды, зерно из которых возвращалось им же при неурожае. Если этого запаса не хватало, помогали деньгами и зерном из фондов губернского и общероссийского уровней.

Но государство, конечно, не сразу решило проблему, и Толстой не мог смотреть на мучения народа. Стремясь помочь голода-

ющим, он развил бурную деятельность: организовал комитет помощи крестьянам, открыл столовые для бедных, закупил лошадей для семей, потерявших их. Более того, они с супругой запустили крупнейшую, как это называли бы сейчас, краудфандинговую кампанию. Софья Андреевна опубликовала в «Русских ведомостях» открытое письмо с просьбой о помощи голодающим. Всего за время голода в виде пожертвований Толстые собрали более 200 тысяч рублей. Деньгами жертвовали даже из-за рубежа: например, из США на имя их комитета пришло около 150 тысяч долларов. Нетрудно оценить, насколько известны и важны для всего мира были и слово Толстого, и участие его в общественных делах.

В этой трагедии Лев Николаевич и Софья Андреевна действовали рука об руку и жена поддерживала мужа. Через три года Лев Николаевич снова воспользовался своей известностью ради блага других, но супруга уже не была так благосклонна. На этот раз Толстой включился в кампанию помощи духоборам.

Кто такие духоборы? Это одна из христианских сект. Духоборы отвергали православную обрядность и даже Библию не считали непререкаемым авторитетом. Вместо нее в их традиции так называемая Животная книга — изустно передаваемые друг другу псалмы и заговоры от зла. Учение секты немного похоже на квакерское.

Один из лидеров духоборов Петр Веригин, будучи в ссылке, познакомился с философией Льва Толстого и, вернувшись, предложил последователям такую программу:

1. Отказ от эксплуатации наемного труда. (*Привет, Карл Маркс!*)
2. Снижение рождаемости путем полового воздержания и отказа от браков. (*Привет, Лев Николаевич.*)
3. Раздел имущества поровну между всеми членами общины (с добровольного согласия богачей).

4. Отказ от стремления к обогащению, опрощение.
5. Отказ от военной службы.
6. Вегетарианство.

Последователей Веригина, чтобы отличить от остальных духоборов, стали называть постниками — из-за вегетарианства («Главная основа существования человека — энергия мысли, разум. Пищей вещественной служат: воздух, вода, фрукты и овощи»). Такое реформаторство не могло не прийтись по душе Льву Николаевичу. Но самым важным пунктом был предпоследний: отказ от военной службы, принципиальный пацифизм. Из-за него у духоборов, принявших программу Веригина, предсказуемо начались серьезные проблемы.

В 1895 году несколько тысяч духоборов-постников на Кавказе по совету Веригина заявили властям о своем отказе от военной службы. В ночь на 29 июня они собрали в кучу все оружие, что у них было, и сожгли под пение псалмов. Правительство, чтобы усмирить непокорных верующих, послало казаков, и те действовали чрезвычайно жестоко. Сектантов избивали, грабили, женщин насиловали.

Позже около 4300 духоборов было принудительно переселено, военнообязанных приговорили к заключению в тюрьму и службе в дисциплинарных батальонах, упорствующих ссылали в Сибирь на 18 лет. Столь жестокие репрессии вызвали невероятное негодование, общественность возмутилась, и во главе протеста встал Толстой. Вместе с последователями (а их было немало, даже небезызвестный поп Гапон* в свое время принадлежал к их числу) он организовал массовую кампанию в прессе, подключил связи с иностранными СМИ — по всей Европе выходили статьи, в которых преследования духоборов в России сравнивали с гонениями на христиан в Древнем Риме. Было

---

* См. главу «Поп Гапон и японские винтовки».

Где деньги, Лев?

опубликовано воззвание о сборе средств — Лев Николаевич лично дополнил его послесловием, передал в помощь сектантам тысячу рублей и пообещал отдавать страждущим все гонорары, которые получал за постановку своих пьес в театрах.

Тут Софья Андреевна, для которой кампания оказалась сюрпризом, потребовала у мужа разъяснений. Четырьмя годами раньше он отдал право распоряжаться своими текстами жене. Она рассчитывала на эти доходы, детей надо было одевать и воспитывать... Короче, «где деньги, Лев?».

Лев Николаевич такой «бесчувственности» не потерпел, и супруги поссорились. Где уж жене понять: она думает только о теще мирской, а тут божьи люди страдают, и это при том что один поход Толстого-младшего в театр стоит столько же, сколько еда на неделю для крестьянской семьи!

Толстой упорствовал. Он даже достал из ящика стола незаконченный роман «Воскресение» и принялся за старое: вместо

Лев Толстой за работой в Ясной Поляне

философских и духовных статей пишет роман о трагической любви. Долгожданный «камбэк» тут же перевели на многие языки, а Лев Николаевич, получив гонорар, пожертвовал его на переселение духоборов. Было решено отправить их в Канаду, где они могли бы без притеснений жить согласно своим пацифистским воззрениям.

Тут Софья Андреевна ничего не могла поделать: ей передали только права на тексты, изданные до 1881 года, а это произведение было свежее. Тем не менее осенью 1898 года она записала в дневнике:

«Я не могу найти в своем сердце сожаление к людям, которые, отказываясь от воинской повинности, этим заставляют на их место идти в солдаты обедневших мужиков, да еще требуют миллиона денег для перевоза их из России».

«И к чему эти духоборы! Как неестественно. А у самих у нас постоянная забота о семье; им бы, детям нашим, нужен был отец, заботящийся о них, а не искать по всему миру каких-то сектантов».

Но беды с деньгами на этом не закончились. В 1895 году, за год до смерти, Альфред Нобель написал завещание, в котором выделил значительную часть своего состояния на премии за выдающиеся достижения в физике, химии, медицине, в литературе и в борьбе за мир. В 1901 году выбрали первого лауреата премии по литературе. Им стал Сюлли-Прюдом, французский поэт, но не все члены Нобелевского комитета были согласны с этим решением. Сорок девять шведских писателей написали открытое письмо протеста, считая, что невозможно давать кому-либо такую награду при живом Толстом!

Лев Николаевич забеспокоился: того и гляди ему всучат 150 тысяч крон! Он не хотел получить премию. Он всеми силами старался избавиться от денег, а тут пытаются дать еще!

Толстой написал в Нобелевский комитет очень уважительное письмо:

«Дорогие и уважаемые собратья,

Я был очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена. Во-первых, это избавило меня от большого затруднения — распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; а во-вторых, это мне доставило честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и незнакомых мне, но все же глубоко мною уважаемых».

Но не все было так просто!

В 1902 году имя Толстого опять появилось в списке номинантов. Теперь за него хлопотали несколько уважаемых литераторов из Франции. Выдвинули его и в следующем году...

Лев Николаевич немного нервничал, но до какого-то времени Нобелевский комитет его игнорировал. Потом к продвижению отечественной литературы решили подключиться на родине писателя, и в 1906 году Российская академия наук выдвинула Толстого на Нобелевскую премию. Лев Николаевич не ожидал такого подвоха, но публично отказываться ему было неудобно. Он написал другу, писателю, переводчику его работ на финский язык Арvidу Ярнефельту. Видно, что послание сочинено спешно и в несвойственной ему манере:

«По словам Кони, может случиться, что премию Нобеля присудят мне. Если бы это случилось, мне было бы очень неприятно отказываться, а поэтому я очень прошу вас, если у вас есть — как я думаю — какие-то связи в Швеции, постараться сделать так, чтобы мне не присуждали этой премии. Может быть, вы знаете кого-то из членов, может

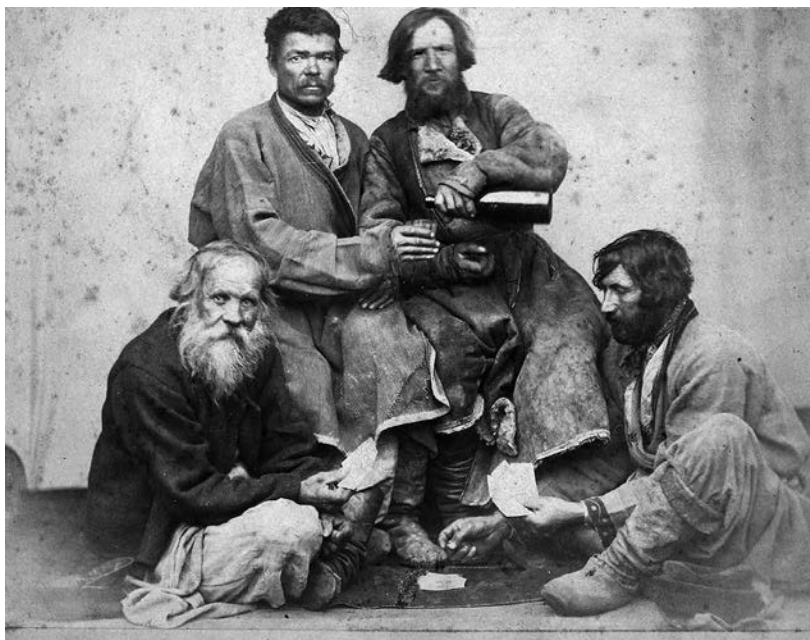
Андрей Аксёнов

быть, можете написать председателю, прося его не разглашать этого, чтобы этого не делали».

Времени было мало, до оглашения результатов оставалось всего три недели, но Ярнефельт сделал все, чтобы помочь графу. Он перевел письмо Толстого на шведский язык и отправил его в Стокгольм, в Нобелевский комитет. Там с пониманием отнеслись к просьбе писателя и решили не принимать во внимание документы из Российской академии наук.

Лев Николаевич был очень рад, хотя для решения вопроса и пришлось использовать знакомства. О том, что думала на этот счет Софья Андреевна, история умалчивает.

Алкоголь в Российской империи

Если начинать разговор об алкоголе в Российской империи, то, конечно, в первую очередь придется говорить о водке: она — спиртной напиток №1 для большинства граждан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru